Научная статья
УДК 94(470)"18/19":930.2:316.356.2
EDN: RNQOFG
DOI: 10.35231/25422375_2025_1_77

Я б в ученые пошел, пусть меня научат… Семья за спиной молодого ученого: преимущество или обуза? (По материалам биографий физика А. А. Глаголевой-Аркадьевой и историка физики О. А. Старосельской-Никитиной)

О. А. Валькова

В статье на материале биографий двух женщин, ровесниц, принадлежавших к первому поколению советских женщин-ученых: физика, обладающего международной известностью, доктора физико-математических наук А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) и крупного историка физики, кандидата исторических наук О. А. Старосельской-Никитиной (1885–1969) рассмотрена роль (или отсутствие таковой) родительской семьи на начальном этапе профессиональной карьеры молодой женщины-ученого и влияние (или его отсутствие) семьи на дальнейшие профессиональные успехи женщин-ученых этого поколения. А. А. Глаголева-Аркадьева происходила из многодетной семьи провинциального священника; ее родители не поддерживали стремление дочери получить высшее образование и не могли помочь материально; О. А. Старосельская-Никитина рано осталась круглой сиротой, в юности сама была вынуждена оказывать помощь младшим братьям, таким образом, никто из них не мог рассчитывать на поддержку семьи в период получения высшего образования. Однако обе девушки получили среднее образование благодаря профессиональному статусу своих отцов: дочь священника в епархиальном училище и дочь штабс-капитана в Николаевском сиротском институте, что открыло им путь к дальнейшему обучению. Основное внимание в статье уделено изучению фактора экономической поддержки молодой женщины-ученого со стороны ее семьи и влиянию этого фактора на построение дальнейшей профессиональной карьеры.

Ключевые слова: история научной семьи, женщина-ученый, Московские Высшие женские курсы, А. А. Глаголева-Аркадьева, О. А. Старосельская-Никитина.

Для цитирования: Валькова О. А. Я б в ученые пошел, пусть меня научат… Семья за спиной молодого ученого: преимущество или обуза? (По материалам биографий физика А. А. Глаголевой-Аркадьевой и историка физики О. А. Старосельской-Никитиной) // История повседневности. – 2025. – № 1. – С. 77–98. DOI: 10.35231/25422375_2025_1_77. EDN: RNQOFG

© Валькова О. А., 2025

Введение

В современной социологии, психологии, истории науки феномен семьи ученого, в том числе роль родительской семьи в формировании мировоззрения, выборе будущей профессии, получении неформальных знаний о повседневных способах функционирования научного сообщества, пользуется все большим вниманием исследователей. Изучение семейных связей, истории разных поколений научных семей, процессов передачи знаний, навыков, мотиваций между поколениями все чаще становится предметом изучения. По мнению психологов, при анализе процессов передачи эксплицитных и личностных знаний семью невозможно оставить в стороне [1, с. 29]; в фокусе историков науки оказывается как генеалогия научных семей, так и история взаимодействия различных представителей одного поколения [2, с. 233]. В целом, в современной историографии истории науки немало подобных работ, посвященных ученым-мужчинам и их семьям. Однако мы почти не нашли исследований, в которых изучалась бы роль семьи женщины-ученого в *ее* жизни [3], особенно в ранний период этой жизни, хотя общая важность родительской семьи, несомненно, признается. Вот что, например, что писали биографы первой в СССР женщины – действительного члена АН СССР, всемирно известного физиолога Лины Соломоновны Штерн (1875/1878–1968): «Известно, что становление и в значительной мере формирование многих черт личности происходит в детские и отроческие годы. Ребенок познает мир в семье в общении с родителями, братьями, сестрами, со своими сверстниками. Уклад жизни, сложившийся в семье, определенные сословные, национальные, религиозные традиции оказывают существенное влияние на становление особенностей характера и направленность интересов» [4, с. 8].

Но так ли это? Действительно ли именно семья играла решающую роль в получении женщиной мотиваций, знаний и навыков, необходимых для выбора профессии ученого и построения в дальнейшем успешной научной карьеры, особенно в тот исторический период, когда подобный выбор считался большой экзотикой и часто шел вразрез с представлениями старшего поколения? В настоящей статье мы хотим исследовать ранние этапы биографий двух экстраординарных женщин-ученых, вступавших в профессиональную жизнь в период великого пе-

релома: успевших получить образование еще при Российской империи, в которой существовала юридическая дискриминация женщин, но работавших уже преимущественно при советском правительстве, провозгласившем полное юридическое равноправие женщин. Первая из них – Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева (1884–1945), выдающийся физик, одна из первых в СССР женщин-докторов физико-математических наук, совершившая почти в самом начале своей карьеры открытие мирового уровня, что в значительной степени способствовало ее дальнейшим быстрым успехам. Вторая – Ольга Андреевна Старосельская-Никитина (1885–1969), историк по образованию, кандидат исторических наук, библиотекарь и библиограф на протяжении многих лет, яркий и несомненно выдающийся историк физики, большинство книг которой написаны, однако, в последние двадцать лет жизни. У первой из них в детстве была большая семья – родители, братья, сестры, племянники, племянницы; вторая осталась круглой сиротой в раннем возрасте, сохраняя, однако, связи со своей тетей и ее детьми, и собственными младшими братьями и сестрой и, таким образом, также имея семью, несмотря на отсутствие родителей. На основании малоизвестных и в том числе впервые вводимых в научный оборот биографических документов мы исследуем, какую роль играли семьи обеих женщин в критические для их последующих судеб моменты – выбора профессии и получения высшего образования, и как эта роль повлияла на их дальнейший профессиональный успех. В настоящей статье мы сосредоточимся преимущественно на экономической составляющей этой роли, проанализируем, являлись ли благополучное в финансовом отношении начало карьеры молодой женщины-ученого, поддержка семьи на начальном этапе этой карьеры решающими факторами ее последующего профессионального успеха или нет[1].

Дочка священника

Александра Андреевна Глаголева родилась 16 февраля 1884 г. в селе Товарково Богородицкого уезда Тульской губернии. Ее

[1] О траекториях профессиональных карьер женщин-ученых этого периода подробнее см.: Валькова О. А. Женщины-естествоиспытатели Российской империи: конец XVIII – начало XX в.: дис. … д-ра ист. наук: 07.00.10. М., 2014. 841 с.

отца звали Андрей Глаголев, он служил священником упомянутого села Товарково. О ее родителях почти ничего не известно, кроме того, что у них было девять человек детей, и что они были очень бедны, впрочем, как и семьи многих сельских священников. Желание учиться проявилось у А. А. Глаголевой очень рано, и откуда оно взялось неизвестно. О своем детстве и начальном образовании она писала в автобиографии, датированной 3 октября 1927 г.: «Самоучкой научилась читать и писать; сама приготовилась к поступлению в среднюю школу. Помню, как настойчиво просила я своих родителей отвезти меня в Тулу на вступительный экзамен раньше, чем они сами предполагали это сделать. Не помню, каковы были мои ответы на экзаменах, но хорошо помню свое торжество: я была принята в среднюю школу, к удивлению своей семьи. Училась я хорошо; моими любимыми предметами были математика и физика» [5, л. 43].

В 1900 г. А. А. Глаголева окончила курс Тульского епархиального училища и хотела продолжать образование, но на ее пути возникло сразу несколько препятствий: во-первых, государственный закон, во-вторых, мнение ее семьи, в-третьих, отсутствие средств. Что касается первого препятствия, то оно исчезло уже к 1901 г.: хоть в этот период в соответствии с существовавшими законами российские университеты не принимали девушек, а деятельность организованных в разных городах империи в 1870-е гг. Высших женских курсов была приостановлена еще в 1886 г., в 1901 г. она возобновилась и Московские высшие женские курсы (МВЖК) начали прием новых слушательниц. Так что возможность учиться существовала. А вот со вторым и третьим препятствиями дело обстояло гораздо сложнее. Семья А. А. Глаголевой, по-видимому, категорически возражала против ее дальнейшего образования. Преодоление их взглядов на этот вопрос заняло шесть лет. В 1906 г., подавая в третий раз прошение о зачислении на МВЖК, А. А. Глаголева написала о своей семейной ситуации в письме к директору курсов 9 мая 1906 г.: «Мое желание учиться не есть каприз, могущий с течением времени позабыться; нет, это желание – цель моей жизни; оно никогда во мне не ослабевало … Вот уже 6 лет прошло с тех пор, как у меня впервые вполне ясно и твердо явилось желание учиться. Несмотря на разные препятствия со стороны родных, я удержала свои взгляды и осталась верна им. Теперь я достигла

своего: родные согласились с моими взглядами: они согласны отпустить меня учиться…» [6, л. 1, 1 об.].

На протяжении шести лет, пока А. А. Глаголева уговаривала родных, она работала, поступив сразу по окончании училища, в 1900 г. на службу учительницей в сельскую школу – выбор, с которым семья, по-видимому, была согласна. Несмотря на обнаружившийся талант к преподавательской деятельности, это занятие мало ее удовлетворяло, в глубине души она продолжала мечтать о высшем образовании и о совсем другой жизни. В упомянутой выше автобиографии 1927 г. Александра Андреевна писала: «Только благодаря своему живому характеру и неистощимой любви к жизни и работе я сохранила в себе душевное равновесие в эти годы; серьезная педагогическая работа в школе, которой я отдавала почти все свое время, и скрытая от окружающих работа по подготовке в высшую школу, связанная с тренировкой воли перед ожидавшей меня трудовой студенческой жизнью гармонично сочетались во мне» [6, л. 43–44]. О несогласии семьи с жизненными планами дочери впоследствии не раз упоминала и сама А. А. Глаголева, и знавшие ее в юности подруги-курсистки, и немного позднее ученицы. Например, в автобиографии, написанной для журнала «Огонек» в октябре 1927 г., А. А. Глаголева рассказывала: «Чтобы перейти на путь научной работы, мне пришлось преодолеть много препятствий в связи с предрассудками, глубоко укоренившимися в деревенской глуши и мешавшими в то время женщинам в их стремлении выбраться на путь к знанию. Только ценой разрыва с моей семьей, горячо любившей меня и также горячо любимой мной, мне удалось добиться поступления в высшую школу, без всякой надежды на материальную помощь со стороны, – но далее прибавляла, – Впоследствии мой уход из семьи не помешал возобновлению прежних самых дружеских отношений с моими родителями» [6, л. 43].

Ученица и близкая приятельница А. А. Глаголевой-Аркадьевой, также физик Сильвия Семеновна Зильберштейн (1891–?), с которой они вместе отдыхали неподалеку от Новороссийска летом 1916 г., рассказывала с ее слов: «Не забуду я этих прогулок. Очарованная красотой природы, Александра Андреевна рассказывала про свою жизнь, как она стремилась к знанию, с каким трудом ей это давалось, как она отказывалась от личной

жизни, чтоб не закрывать себе путь к знанию и как, наконец, она удрала от своих родных, выпрыгнув в окно и уехала в Москву учиться на МВЖК. Гуляя, мы горячо обсуждали наши работы, мечтали и строили планы на будущее. Александра Андреевна, не раз говорила, что она хочет достигнуть вершин науки» [7, л. 7]. Другая ее ученица, Екатерина Михайловна Румянцева, вспоминала: «Ей пришлось преодолеть упорное и настойчивое сопротивление семьи, для которой день отъезда А. А. в Москву для получения высшего образования был днем семейного траура» [8, л. 2]. Разногласия А. А. Глаголевой с родительской семьей были настолько хорошо известны среди ее друзей и коллег, что даже когда в 1938 г. коллеги выдвинули А. А. Глаголеву-Аркадьеву в члены-корреспонденты АН СССР, они начали описание ее биографии со следующих слов: «Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева вышла из глухой провинции. Несмотря на необходимость преодолевать все трудности, стоявшие на пути женщины в дореволюционное время, в борьбе с семьей, с предрассудками, царившими в деревне, она достигла высшего образования. Личным трудом, без всякой поддержки проложила себе дорогу к большой работе на широкой научной, педагогической и общественной арене» [9, л. 4]. Биографы А. А. Глаголевой были согласны с таким описанием семейных противоречий: «А. А., как и многие женщины того времени, выдержала борьбу с родителями за право на высшее образование, за самостоятельную жизнь и работу», – пишет, например, К. А. Волкова [10, с. 18–19].

Тем не менее формальное согласие отца, необходимое по закону для поступления на МВЖК, А. А. Глаголевой удалось получить также, как и обещание оплаты обучения. В заявлении, содержавшем просьбу о приеме на МВЖК от 7 мая 1905 г. она писала: «Средства для платы за право слушания лекций и на жизнь в Москве я имею от своего отца. В продолжение своего учения на курсах жить буду у своей родственницы, заведующей приютом, Софии Семеновны Розановой. При сем прошении прилагаю письма: от своего отца, священника села Товарково Богородицкого уезда, – о его согласии выдавать мне ежегодное содержание сколько потребуется, и от вышеозначенной родственницы – о ее согласии принять меня к себе на квартиру» [6, л. 2]. Действительно, в личном деле А. А. Глаголевой сохранились два письма ее отца. Первое содержало согласие

А. Глаголева на обучение его дочери: «Сим удостоверяю, что дочь моя, окончившая курс Тульского епархиального женского училища Александра Глаголева, будет в состоянии вносить следуемую курсам плату, так как средства эти она будет получать от меня. Священник с. Товарково Богородецкого уезда Тульской епархии Андрей Глаголев» [6, л. 41]. Письмо это заверено печатью Тульской епархии и имеет исходящий делопроизводственный номер, т. е. подделка в данном случае исключается. Второе, написанное еще в 1905 г., адресовано самой дочери и содержит отцовское благословление учиться: «Дорогая моя дочь Александра Андреевна! <…>[1] что по требованию нашей жизни необходимо тебе образование для того, <…> крепче и <…> следовать на посту службы, а потому и <…> доставлять тебе <…> средства на твое образование на курсах сколько потребуется, чтобы безбедно проходить курс образования. Да благословит господь тебя учиться…» [6, л. 40, 40 об.].

Таким образом, какие бы разногласия ни существовали в семье, они были в итоге преодолены, даже если не полностью, и начиная с 1904 г. А. А. Глаголева пыталась поступить на МВЖК. Ей удалось это сделать только с третьей попытки, поскольку на бывшем при поступлении конкурсе аттестатов ее аттестат епархиального училища (учебного заведения II разряда) не мог выдержать конкуренцию с аттестатами гимназий (учебные заведения I разряда), многие владелицы которых окончили к тому же дополнительный педагогический класс. Тем не менее в 1906 г. А. А. Глаголеву все-таки приняли на МВЖК. Однако обещание отца оплачивать обучение и содержать дочь в период ее студенчества оказалось, мягко говоря, недостоверным: по-видимому, он просто не имел на это средств. А. А. Глаголева была вынуждена зарабатывать уроками как на оплату обучения, так и на жизнь. В 1930 г., предоставляя сведения о себе во время реорганизации II Московского государственного университета, она писала: «С 16-летнего возраста, по окончании курса средней школы, начала свою деятельность сельской учительницы в начальной школе, где работала 6 лет (1900–1906). Следующие четыре года (1906–1910) училась в высшей школе в Москве, не прерывая педагогической работы, вследствие необходимо-

[1] К сожалению, письмо очень неудачно переплетено в деле, и поэтому отдельные его места прочитать невозможно.

сти иметь личный заработок, который являлся единственным средством [для] существования. Все годы студенчества я имела уроки или вела занятия в вечерней школе при общежитии для вдов и сирот (б[ывшее] Бахрушинское)» [5, л. 35].

Давалось это зарабатывание денег с трудом, и к VIII семестру обучения все источники заработка иссякли, а здоровье оказалось подорвано чрезмерными усилиями. 20 февраля 1910 г. А. А. Глаголева прибегла к последнему средству – обратилась к руководству курсов за пособием на оплату обучения в размере 50 р. В прошении она рассказывала о своем материальном положении следующим образом: «Средства на содержание достаю сама, ввиду многосемейности родителей, имеющих 9 человек детей, из которых только один состоит на месте, получая 25 р. в месяц, остальные же находятся в таком положении: двое учатся в высших учебных заведениях (я и брат – Московский коммерческий институт); двое – в средних учебных заведениях в Туле, 3-е маленьких учатся еще дома и, наконец, дочь-вдова, с четырьмя малолетними детьми, которой необходимо помогать, ввиду ее материальной необеспеченности. От общественных учреждений пособий не имею, в текущем году имела заработок только 12 р. (двенадцать руб. в месяц, недостаточную сумму брала заимообразно) у частных лиц, точно также, как и плату в предыдущем полугодии. Пока было возможно, я не обращалась с просьбой о пособии к Вам. Теперь же денег у меня нет и достать не могу, поэтому очень прошу не отказать мне в просьбе при таком безвыходном положении, тем более же здоровье не позволяет работать для доставания средств усиленно» [6, л. 43]. Из того же заявления видно, что в это время А. А. Глаголева жила «в городском бесплатном общежитии в доме Бахрушиных» и тратила в месяц на свое содержание «от 13 до 15 рублей» [6, л. 43].

Точно неизвестно, получила ли А. А. Глаголева искомое пособие, но в 1910 г., через четыре года после поступления, она окончила МВЖК и была приглашена остаться работать там же ассистенткой по физике. С этого момента началась ее очень успешная в дальнейшем профессиональная карьера в науке [11; 12], хотя материальное положение улучшилось далеко не сразу. Вначале А. А. Глаголева жила одна и очень скромно: жалование ассистентки ВЖК было микроскопическим. «В этот период Александра Андреевна жила в тяжелых материальных усло-

виях и очень много работала. У нее была большая педагогическая нагрузка по общему практикуму и со специалистками по физике <…> Вечера проводились в рентгеновском кабинете и, кроме того, она очень много читала, углубляя свои собственные знания. Жила она в это время одна, недалеко от ВЖК», – вспоминала С. С. Зильберштейн [7, л. 5]. Собственное непростое положение, однако, не мешало ей помогать своей семье. С. С. Зильберштейн рассказывала об этом: «С трогательной внимательностью относилась Александра Андреевна к своим родителям, сестрам и брату. В это время захворала ее сестра Басенька. Дома ее считали безнадежно больной. Александра Андреевна привезла ее в Москву, поместила в больницу и ежедневно готовила и носила ей еду. К концу 1915/16 учебного года она очень переутомилась, в особенности тяжело сказалась работа в рентгеновском кабинете» [7, л. 5 об.].

Дочка штабс-капитана

Всего на год моложе А. А. Глаголевой Ольга Андреевна Старосельская родилась 2 января 1885 г. в городе Кременчуге. Ее отцом был отставной штабс-капитан, преподаватель технического училища; мамой – акушерка. В настоящее время даже имена их неизвестны, как неизвестно количество детей в семье, только то, что у Ольги Андреевны было несколько братьев, скорее всего младших, и сестра. В августе 1894 г. О. А. Старосельская поступила в Московский Николаевский сиротский институт императора Николая I. С некоторой обидой она отмечала в одной из автобиографий: «…принята в Николаевский сиротский институт в Москве, но не в VI-й (II-ой) класс, в который была подготовлена, а в Разумовское отделение для малолетних безо всякого экзамена, лишь на том основании, что мала ростом и летами» [15, л. 1]. Это обстоятельство не помешало ей, однако, окончить институт в 1905 г. с золотой медалью. В отличие от тульского Епархиального училища Николаевский сиротский институт принадлежал к числу средних учебных заведений I разряда, что обеспечивало самую серьезную научную программу из всех возможных. Прошедшие курс обучения воспитанницы, успешно сдавшие экзамены, получали звание домашней наставницы – наиболее уважаемое в Российской империи, которое могла получить девушка по окончании образования – и право

преподавать (на дому или в средней школе, не считая гимназий: за право женщинам преподавать в гимназиях как раз в начале 1900-е гг. шла острая борьба) те предметы, в которых они специализировались и преуспели. В дипломе О. А. Старосельской значится: «…дозволено ей, Старосельской, принять на себя звание домашней наставницы с правом преподавать русский язык и словесность, французский язык и словесность, немецкий язык и словесность, математику, географию, историю, физику, естественную историю, педагогику, дидактику…» [16, л. 77].

Пока Ольга Андреевна училась в Москве, ее родители умерли один за другим (в 1898 г. – отец, в 1899 г. – мать). Таким образом, О. А. Старосельская осталась круглой сиротой в 14 лет. По выходе из института она не только сама не имела никакой материальной поддержки, но была вынуждена помогать младшим братьям. Никто не мог поддержать ее, но никто ей и не препятствовал в ее желании продолжать образование. Отсутствие каких-бы то ни было средств не позволило ей сделать это сразу же по окончании института. В заявлении о приеме на курсы, поданном только в 1907 г., она писала: «По окончании курса в институте в 1905 году в августе того же года я была принята преподавательницей французского языка в Третьей женской гимназии Министерства народного просвещения в губернском городе Ставрополе, где до сих пор и продолжаю преподавать» [15, л. 65]. Выбор Ставрополя, по-видимому, не был случайным: именно там в это время жила ее тетя со своими двумя детьми и младшие братья и сестра Ольги Андреевны [16, л. 124, 124 об.]. Неизвестно, приходилось ли ей оказывать какую-то материальную помощь членам своей семьи в этот период или, наоборот, тетя помогала ей, но за два года работы она смогла скопить сумму, достаточную для взноса за первый год обучения. Благодаря диплому и золотой медали престижного института О. А. Старосельскую приняли на МВЖК без промедления, но из-за постоянной нехватки средств спокойно учиться не получалось. С некоторой горечью она писала в автобиографии: «С 1907 г. до конца 1910 числилась слушательницей Московских высших женских курсов, но большую часть времени приходилось отдавать преподавательской деятельности в качестве гувернантки в виду того, что родителей лишилась 14-ти лет и приходилось помогать младшим братьям» [15, л. 1].

В начале 1911 г. Ольга Андреевна вынужденно покинула Москву и курсы из-за отсутствия денег и невозможности найти работу в городе: со второго полугодия 1910/1911 уч. года она считалась выбывшей с курсов [15, л. 69]. В заявлении с просьбой об отчислении она описывала свою ситуацию следующим образом: «Честь имею просить Ваше превосходительство уволить меня [на] весенний семестр текущего года, так как я принуждена быть вне Москвы, на уроке» [15, л. 70]. Из этого же прошения мы узнаем, что она уже обращалась с просьбой и получила от курсов пособие на оплату обучения, а также, что она ни на минуту не предполагала бросать обучение окончательно и планировала вернуться на курсы при первой же возможности: «Назначенное же мне на этот семестр пособие в размере 50 р. прошу мне [зачесть] на осенний семестр будущего учебного года» [15, л. 70]. Позднее в автобиографии она указывала: «С января 1911 г. по август 1912 г. считалась выбывшей с курсов, так как за недостатком средств не могла жить в Москве» [15, л. 1–2]. В 1912 г. ей удалось вернуться в город и восстановиться на курсах. Но уже в 1913 г. она вновь обращалась к директору МВЖК с просьбой о пособии на взнос платы за обучение. О своем финансовом положении в этот период она писала, отвечая на вопрос анкеты «На какие средства живет в Москве»: «На собственные сбережения с уроков. Ни от каких родственников ничего не получаю, а наоборот посылаю иногда младшим братьям. От “Комитета о раненых” получила в 1912 г. 90 р. единовременного пособия, но истратила на лечение брата в декабре и январе этого года. Теперь заработков не имею за недостатком времени и здоровья» [15, л. 90]. Из этого же документа известно, что в тот период она жила одна (хотя раньше снимала комнату с вместе с другой курсисткой) и платила за квартиру 15 р. в месяц [15, л. 90]. На вопрос о том, сколько она тратит на свои нужды в месяц О. А. Старосельская отвечала: «В среднем около 50 р., включая лечение, усиленное питание и одежду» [15, л. 90].

Тем не менее, несмотря на все сложности и отсрочки, Ольга Андреевна окончила МВЖК в 1912 г. Учебный год 1912/1913 гг. ушел у нее на подготовку и сдачу семи дополнительных экзаменов [15, л. 2]. Наконец, 31 мая 1913 г. ей был выдан диплом, удостоверявший, что «Ольга Андреевна Старосельская прослушала курс на Историко-философском факультете по отделению все-

общей истории и выдержала все установленные факультетом испытания…» [15, л. 60]. К этому времени принятый в 1911 г. закон разрешил выпускницам ВЖК получать государственный диплом об окончании университета при условии сдачи экзаменов в специальной экзаменационной комиссии. Однако программы ВЖК и университетов отличались. Выпускницам, претендовавшим на государственный диплом, часто приходилось сдавать экзамены по дополнительным предметам и слушать для этого дополнительные курсы. Именно этим пришлось заниматься в 1913–1914 гг. О. А. Старосельской: «Честь имею просить Ваше превосходительство зачислить меня вновь слушательницей ВЖК для прохождения и сдачи нескольких предметов по новому учебному плану, чтобы получить возможность сдавать государственные экзамены», – писала она в прошении на имя директора курсов в начале октября 1913 г. [15, л. 75].

Получение диплома МВЖК, не имевшего никакого юридического статуса, не улучшило материальное положение О. А. Старосельской и даже не повысило перспективы нахождения ею работы, именно поэтому она стремилась получить официальный государственный диплом. Но это опять требовало времени и средств, которых катастрофически не хватало. Сохранилась записка О. А. Старосельской, датированная 3 августа 1914 г. в комитет МВЖК, занимавшийся подысканием рабочих мест для слушательниц и выпускниц: «Убедительно прошу Вас возобновить мою запись в книге предложений труда и присылать мне извещения в <…>[1] Смоленской губернии. Я прошу занятий только в Москве и ее ближайших окрестностях, – подчеркивала она и продолжала, – и предпочла бы место преподавательницы истории или французского языка в каком-либо учебном заведении (хотя бы временной заместительницей ушедших на войну). Если частный урок, то отнюдь не живущей при детях». И добавляла: «С немецким языком (практическим) не возьмусь, т. к. года 4 не было практики в разговоре, а только читала научные книги» [15, л. 86, 86 об.].

Начавшаяся в 1914 г. война внесла свои коррективы: уже в 1914 г. О. А. Старосельская, продолжая подготовку к экзаменам, работала в лазарете для раненых [15, л. 2]. Она завершила сдачу экзаменов в осеннюю сессию 1915 г., получив, наконец, госу-

[1] Название населенного пункта неразборчиво.

дарственный диплом I степени, после чего профессор ее семинара А. Н. Савин (1873–1923) внес в историко-филологический факультет МВЖК просьбу об оставлении ее при курсах по кафедре всеобщей истории. В своем заявлении он между прочим отметил: «Материальная необеспеченность заставила О. А. Старосельскую на время прервать свое пребывание на курсах и обратиться к преподавательской деятельности вне Москвы. Но она соединила педагогические занятия с научными и много работала над своим кандидатским сочинением о Кондорсэ, которое по постановлению историко-философского факультета курсов было напечатано и составило первый выпуск издания “Работы слушательниц Московских высших женских курсов. Историко-философский факультет” [17]. В этой монографии ясно проступает одаренность О. А. Старосельской, умеющей сочетать точное изучение источника с влечением к общим вопросам социологии и философии истории» [15, л. 3].

Прошение профессора было удовлетворено. Как О. А. Старосельская писала в одной из своих более поздних по времени автобиографий: «В 1916 г. была оставлена по представлению проф. А. Н. Савина при историко-философском факультете Высших женских курсов стипендиаткой для подготовки к профессорскому званию» [16, л. 14]. Как и в случае с А. А. Глаголевой оставление при курсах положило начало ее профессиональной научной карьере. Сохранилось только еще одно упоминание о ее семье этого периода – 8 декабря 1916 г. она направила прошение в Историко-филологический факультет курсов, с просьбой об отсрочке в предоставлении отчета: «Честь имею просить о разрешении мне представить отчет о моих занятиях к следующему заседанию факультета, так как тяжелые семейные обстоятельства в связи с войной вызвали сильное нервное переутомление, лишающее меня возможности закончить к указанному сроку почти готовый отчет», – писала она [15, л. 5]. Что это были за обстоятельства выяснить не удалось. Однако отчет все-таки был представлен, его качество позволило профессору А. Н. Савину признать «занятия О. А. Старосельской в 1916 году весьма удовлетворительными» [17, л. 49]. Но жизнь текла себе, и на Москву надвигалась зима 1917 г., а вместе с ней – голод. Выжить в голодном и холодном городе, не являясь государственным служащим и не имея поддержки

семьи, было практически невозможно. Как и многим другим О. А. Старосельской пришлось покинуть Москву, чтобы выжить. Она напишет впоследствии: «В 1917 г. по болезни и вследствие материальной необеспеченности прервала научную работу и выехала на частный урок в Киевскую губернию» [17, л. 14].

Немного о дальнейшей карьере «ученых дам»

Ситуация А. А. Глаголевой, в том числе материальная, изменилась летом 1919 г., когда она вышла замуж за талантливого коллегу-физика, будущего члена-корреспондента АН СССР Владимира Константиновича Аркадьева (1884–1953), который впоследствии не давал ей повода усомниться в своей безоговорочной поддержке как личной, так и профессиональной [13, л. 19 об.]. С. С. Зильберштейн писала об этом браке: «Александра Андреевна вышла замуж, найдя себе друга и товарища на всю жизнь, который окружил ее нежной заботой и вместе с которым она в ногу шагала к вершинам науки» [7, л. 8]. А. А. Глаголева-Аркадьева не прерывала работу на Высших женских курсах, претерпевших ряд преобразований в революционные годы и в итоге превратившихся во II Московский государственный университет. Уже в 1920 г. она получила право самостоятельного преподавания и начала читать курс «Физические основы рентгенологии»; в 1920-е гг. она параллельно читала курсы в I Московском государственном университете и вела научные исследования в одной из университетских лабораторий.

Сделав в 1924 г. открытие мирового уровня в лаборатории, которой руководил муж[1] и в которой она работала при полной его поддержке, А. А. Глаголева-Аркадьева мгновенно получила без преувеличения мировую известность. Впоследствии она много преподавала, заведовала одновременно двумя кафедрами общей физики (с 1930 г.) – в МГУ и в Московском государственном медицинском институте, выделенным как раз в 1930 г. из состава бывшего II МГУ, а также физической лабораторией; активно публиковалась в российских и зарубежных профессиональных изданиях, стала одной из первых в стране женщин – профессо-

[1] А. А. Глаголева-Аркадьева еще в 1922 г. сконструировала прибор, получивший название массовый излучатель, и с его помощью впервые в истории в 1923 г. смогла физически получить самые короткие ультрагерцевые (терра-герцевые, как их сегодня называют) лучи электромагнитного спектра, окончательно подтвердив, таким образом, на практике закон электромагнетизма Максвелла. Опубликовав в 1924 г. результаты своих экспериментов в журнале “Nature”, она проснулась знаменитой.

ров и докторов физико-математических наук (эта степень была присвоена ей без защиты диссертации в 1935 г.) и пр., и пр. Ее карьера была во многом очень успешной, безусловно, благодаря в том числе и ее удачному браку: несмотря на высокий пост научного администратора и огромную преподавательскую нагрузку, в 1920–1940-е гг. она продолжала вести научные исследования в Московской лаборатории им. Максвелла, которую возглавлял ее супруг, при полной его поддержке. При любых рабочих конфликтах, нередко возникавших в стенах Московского университета, супруги могли рассчитывать друг на друга, а положение В. К. Аркадьева как члена-корреспондента АН СССР (с 1927 г.) и достаточно уважаемого члена сообщества советских физиков немало помогало им в этом. Материальное положение пары по мере их с мужем карьерного роста стало вполне благополучным. Когда А. А. Глаголева-Аркадьева ушла из жизни, два выдающихся отечественных физика и организатора науки – С. И. Вавилов и А. Ф. Иоффе написали ее некролог для журнала Nature [Vavilov, Ioffe 1947]. Несмотря на то что отношения с ее родительской семьей в итоге были восстановлены и она продолжала общаться с родителями, братьями и сестрами, помогая им достаточно регулярно, привкус горечи от тех первых юношеских лет остался у А. А. Глаголевой-Аркадьевой надолго, если не навсегда.

В отличие от А. А. Глаголевой, к началу революционных событий работавшей ассистенткой при курсах и получавшей хоть скромное, но жалование, О. А. Старосельская в этот период по-прежнему считалась всего лишь обучающейся; никаких средств от курсов не имела. Кроме того, ей не удалось найти состоящего на службе и, соответственно, хоть как-то обеспеченного супруга. О судьбе ее братьев, которым она столько лет помогала, несмотря на собственное тяжелое материальное положение, ничего неизвестно, но одно ясно: никакие члены семьи в этот период ее не поддерживали. В 1924 г., заполняя анкету при поступлении на работу в библиотеку Коммунистической академии, О. А. Старосельская на вопрос о составе ее семьи ответила: «муж, сестра» [17, л. 124]. О том, когда и за кого Ольга Андреевна вышла замуж, информации в настоящее время нет. В той же анкете среди своих, проживающих в России близких родственников, О. А. Старосельская назвала тетку и ее двоих детей, живших в Ставрополе [17, л. 124 об.]. Можно предполо-

жить, что ее братья либо погибли во время I Мировой войны, либо эмигрировали. В итоге в 1917 г. отъезд из Москвы стал для нее единственным выходом. Это, конечно, не могло не сказаться на ее научной карьере, поскольку в следующие несколько лет ей приходилось браться за любую работу просто ради выживания [18; 20]. В Москву О. А. Старосельская вернулась только в 1925 г. В отличие от А. А. Глаголевой-Аркадьевой, замужество не улучшило ее материальное положение. Сохранилось заявление, написанное ею 30 мая 1925 г. с просьбой о предоставлении комнаты, в котором описаны условия ее тогдашней жизни: «Прошу Управление делами предоставить мне одну комнату из имеющихся в его распоряжении для меня и моей семьи. С февраля месяца я принуждена жить в Москве без семьи и без площади, помещаясь в углу проходного коридора в крайне тяжелых и совершенно невозможных для здоровья условиях. Но возвратившись из месячного отпуска к августу месяцу, я не буду иметь и этого угла и тогда передо мной встанет вопрос об оставлении Академии и возвращении в Ленинград, что для меня во всех отношениях крайне нежелательно. Мои попытки получить площадь через РУНИ и частным образом оказались безрезультатными, т. к. РУНИ распределяет площадь только по месткомам, а местком Академии, куда я подавала заявление еще в феврале, никаких комнат не получал за это время» [19, л. 121, 121 об.].

Тяжелые условия жизни и работы, в том числе в юности, в период получения образования, подорвали здоровье О. А. Старосельской-Никитиной. В 1920-е гг. она много болела [19, л. 108–115], а с января 1934 по июль 1935 г. даже находилась на пенсии «для поправления крайне расстроенного здоровья» [20, л. 3 об.]. Это, однако, не помешало ей 25 мая 1940 г. защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме: «Очерки по истории науки и техники периода Французской буржуазной революции XVIII в.». Несмотря на активную и плодотворную деятельность в 1920–1930-е гг. и публикацию в 1946 г. монографии по теме диссертации [21], основные научные труды О. А. Старосельской-Никитиной были созданы уже на закате ее жизни, после поступления в 1945 г. на работу в Институт истории естествознания – современный Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН [22–24]. В настоящее время неизвестно, кем был ее муж,

чем он занимался в жизни (последнее найденное свидетельство о нем датируется началом Великой Отечественной войны), но очевидно, что он не принимал участия в построении ее научной карьеры и никак не способствовал ее работе.

Обсуждение и выводы

Итак, мы рассмотрели начальный этап карьеры двух женщин, принадлежавших к первому поколению советских женщин-ученых, ровесниц, происходивших из равно далеких от научного сообщества и близких по скромному материальному положению социальных слоев, добившихся впоследствии значительных успехов в научных карьерах, несмотря на новизну профессиональных занятий наукой для женщин как таковых. У одной из них в детстве была большая и шумная родительская семья; вторая рано осталась круглой сиротой, от поддержки которой, кроме того, зависели ее младшие родственники. Тем не менее в свои студенческие годы они оказались в совершенно одинаковом – очень затруднительном – финансовом положении.

В начале статьи мы задали вопрос: каким образом наличие или отсутствие семьи, ее поддержки, прежде всего экономической, на этапе получения девушками образования повлияло на их последующие успехи в профессии? Мы видели, что своим средним образованием обе наши героини были обязаны служебному положению своих отцов: А. А. Глаголева по закону имела право на поступление в епархиальное училище как дочь священника, О. А. Старосельская – в Николаевский институт как дочь штабс-капитана, т. е. существовавшей в Российской империи системе социальной поддержки, основанной на принадлежности к определенному сословию. Родители обеих девочек сочли необходимым воспользоваться этой поддержкой, обеспечив, таким образом, своим дочерям твердую основу их будущей жизни. Однако в результате этого решения обе девочки учились в закрытых женских учебных заведениях вдали от повседневной жизни своих семей, поэтому формированию их мировоззрений и жизненных планов, можно предположить, способствовали больше преподаватели, прочитанные книги, подруги.

Полученное молодыми женщинами благодаря их социальному происхождению среднее образование дало им обеим юридическое право профессиональных занятий педагогикой

в начальных и средних школах империи. Разница в социальном положении обусловила разницу в статусе и, соответственно, учебной программе оконченных ими учебных заведений. В результате А. А. Глаголеву ждала карьера сельской учительницы с минимальными заработками, а О. А. Старосельская получила возможность преподавания в гимназии, что могло принести ей несколько большее финансовое благополучие.

Но обеих девушек не устраивал прочерченный для них законами и традициями жизненный путь, а возможно, они уже ощущали тот ветер перемен, который всего через несколько лет, в годы их юности коренным образом изменит социальный ландшафт и откроет для женщин пути, казавшиеся немыслимыми поколению их родителей: девушки хотели получить высшее образование и стать профессиональными учеными. К сожалению, как оказалось, по разным причинам, но ни одна из них не могла рассчитывать в исполнении своих планов на помощь семьи. Благодаря консервативной позиции родителей, девушка, у которой была семья, и девушка, у которой родители умерли, оказались в совершенно одинаковом материальном положении: они обе остались безо всякой финансовой поддержки и могли рассчитывать только на себя. Их постоянной заботой в студенческие годы стал поиск заработка как для оплаты образования, так и повседневных расходов. Чрезмерное напряжение, которого это от них потребовало, привело впоследствии к ранним проблемам со здоровьем у обеих. Также выяснилось, что несмотря на отсутствие финансовой поддержки со стороны родителей, сами дочери старались помогать попадавшим в затруднительное положение младшим братьям и сестрам, игнорируя собственные сложные и даже откровенно тяжелые обстоятельства. Таким образом, для обеих наших героинь родительская семья (независимо от ее состава) оказалась не только не поддерживающим фактором при построении их научных карьер, а, наоборот, фактором тормозящим. Однако эти обстоятельства, хотя сильно затруднили им жизнь в юности, не помешали женщинам как в получении образования, так и в построении впоследствии успешных карьер в науке.

Изучая дальнейший профессиональный путь наших героинь, удалось установить, что отсутствие материальной поддержки на начальном этапе не стало решающим фактором для постро-

ения успешной научной карьеры: обе женщины справились без нее, добившись значительных успехов. Таким образом, осмелимся предположить, что для первого поколения российских женщин-ученых, начинавших свои профессиональные карьеры в науке в период громадных социальных сдвигов конца 1910 – начала 1920-х гг., влияние и поддержка родительских семей не были решающим фактором успеха[1].

Список литературы

1. Гаврилова Е. В., Ушаков Д. В., Юревич А. В. Трансляция научного опыта и личностное знание // Социологические исследования. – 2015. – № 9. – С. 28–35.

2. Пчелов Е. В. Научные отцы и дети: историческая генеалогия на службе современности // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко: в 2 т. Т. 2. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. – С. 233–238. EDN: ESMBVG

3. Пушкарева Н. Л. Libido scientifica (воспитательные практики в семьях российских ученых 1950–1980-гг.) // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веременко: в 2 т. Т. 2. – СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. – С. 254–260. EDN: EBZOEA

4. Росин Я. А., Малкин В. Б. Лина Соломоновна Штерн. 1878–1968. М.: Наука, 1987. 189 с.

5. Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 641. Оп. 6. Д. 122.

6. Центральный государственный архив Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 363. Оп. 4. Д. 7302.

7. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 134.

8. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 139.

9. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 124.

10. Волкова К. А. Александра Андреевна Глаголева-Аркадьева. 1884–1945 // Глаголева-Аркадьева А. А. Собрание трудов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 5–32.

11. Валькова О. А. «Советская страна должна знать своих ученых»: материалы к биографии А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) // Вопросы истории естествознания и техники. – 2008. – № 1. – С. 136–148. EDN: ILHYHH

12. Валькова О. А. Преподавание или наука: нелегкий выбор доктора и профессора А. А. Глаголевой-Аркадьевой (1884–1945) // Педагогика. – 2017. – № 5. – С. 100–108. EDN: YUESTT

13. Архив РАН. Ф. 641. Оп. 6. Д. 122а.

14. Vavilov S., Ioffe A. Prof. A. A. Glagoleva-Arkadieva // Nature. – 1947. – No 159. – Pp. 296–297.

15. ЦГА Москвы. Ф. 363. Оп. 4. Д. 24209.

16. Архив РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 315.

17. Научный Архив Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Ф. 8. Личное дело Старосельской-Никитиной О. А.

18. Старосельская О. А. Кондорсэ как социолог. М.: печатня А. И. Снегиревой, 1915. 123 с.

19. Валькова О. А. Профессиональная карьера советской женщины-ученой: на материалах биографии О. А. Старосельской-Никитиной // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: Материалы Пятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г. – Тверь. М.: ИЭА РАН, 2012. Т. 2. – С. 502–505.

20. Валькова О. А. Старейшая сотрудница ИИЕТ: заметки к биографии О. А. Старосельской-Никитиной // ИИЕТ РАН Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН, 2012. – М.: РТСофт, 2012. Т. 1. – С. 136–139.

21. Архив РАН. Ф. 425. Оп. 2. Д. 218.

[1] Иллюстрации к статье см. на с. 237–238.

22. Старосельская-Никитина О. А. Очерки по истории науки и техники периода французской буржуазной революции 1789–1794 / под ред. акад. С. И. Вавилова, В. П. Волгина. М.; Л.: Изд. и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1946. 274 с.
23. Старосельская-Никитина О. А. Поль Ланжевен [1872–1946]. М.: Наука, 1962. 316 с.
24. Старосельская-Никитина О. А. История радиоактивности и возникновения ядерной физики. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 428 с.
25. Старосельская-Никитина О. А. Эрнест Резерфорд. 1871–1937. М.: Наука, 1967. 316 с.

I'd Become a Scholar if Taught... Is a Young Scholar's Family a Benefit of a Burden? (Based on the Biographies of the Physicist A. A. Glagoleva-Arkadieva and the Historian of Physics O. A. Staroselskaya-Nikitina)

Olga A. Valkova

In the article the role of the parental family at the initial stage of professional career of a young woman scientist is analyzed based on the biographies of two women, who belonged to the first generation of Soviet women scientists: an internationally renowned physicist, Doctor of Physics and Mathematics A. A. Glagoleva-Arkadieva (1884–1945) and a major historian of physics, Candidate of Historical Sciences O. A. Staroselskaya-Nikitina (1885–1969). The influence (or lack thereof) of the family on the further professional success of women scientists of this generation is also considered. A. A. Glagoleva-Arkadieva came from a large family of a provincial priest; her parents did not support their daughter's desire to get higher education and could not help financially; O. A. Staroselskaya-Nikitina was left an orphan at an early age, in her youth she had to help her younger brothers, so none of them could count on family support in the period of higher education. However, both girls received secondary education due to the professional status of their fathers: the daughter of a priest at a diocesan college and the daughter of a staff captain at the Nikolaevsky Orphan Institute, which opened the way for them to further study. The article focuses on the study of the economic support factor for a young female scientist from her family and the impact of this factor on further professional career building.

Key words: academic family history, female scientist, Moscow Higher Women's Courses, A. A. Glagoleva-Arkadieva, O. A. Staroselskaya-Nikitina.

For citation: Valkova, O. A. (2025) Ya b v uchenye poshel, pust' menya nauchat... Sem'ya za spinoj molodogo uchenogo: preimushchestvo ili obuza? (Po materialam biografij fizika A. A. Glagolevoj-Arkad'evoj i istorika fiziki O. A. Starosel'skoj-Nikitinoj) [I'd Become a Scholar if Taught... Is a Young Scholar's Family a Benefit of a Burden? (Based on the Biographies of the Physicist A. A. Glagoleva-Arkadieva and the Historian of Physics O. A. Staroselskaya-Nikitina)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 1. Pp. 77–98. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2025_1_77. EDN: RNQOFG

References

1. Gavrilova, YE. V., Ushakov, D. V., Yurevich, A. V. (2015) *Translyatsiya nauchnogo opyta i lichnostnoye znaniye* [Translation of scientific experience and personal knowledge]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 9. Pp. 28–35. (In Russ.)
2. Pchelov, YE. V. (2023) *Nauchnyye ottsy i deti: istoricheskaya genealogiya na sluzhbe sovremennosti* [Scientific fathers and children: historical genealogy in the service of modernity]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life:

History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, April 6-8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. Pp. 233–238. (In Russ.)

3. Pushkareva, N. L. (2023) *Libido scientifica (vospitatel'n·yye praktiki v sem'yakh rossiyskikh uchenykh 1950–1980-gg.)* [Libido scientifica (educational practices in the families of Russian scientists in the 1950s and 1980s)]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoy zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and Childhood in everyday life: History and modernity]. Proceedings of the International Scientific conference, April 6-8, 2023. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Vol. 2. Pp. 254–260. (In Russ.)

4. Rosin, YA. A., Malkin, V. B. (1987) *Lina Solomonovna Shtern. 1878–1968* [Lina Solomonovna Shtern. 1878–1968]. Moscow: Nauka, 1987. (In Russ.)

5. Arhiv Rossijskoj akademii nauk [Archives of the Russian Academy of Sciences] (hereinafter – Arhiv RAN). F. 641. Op. 6. D. 122.

6. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskvy [Central State Archives of Moscow] (hereinafter – CGA Moskvy). F. 363. Op. 4. D. 7302.

7. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 134.

8. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 139.

9. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 124.

10. Volkova, K. A. (1948) *Aleksandra Andreyevna Glagoleva-Arkad'yeva. 1884–1945* [Aleksandra Andreyevna Glagoleva-Arkad'yeva. 1884–1945]. *Glagoleva-Arkad'yeva A. A. Sobraniye trudov* [Collection of works]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Pp. 5–32. (In Russ.)

11. Valkova, O. A. (2008) *«Sovetskaya strana dolzhna znat' svoikh uchenykh»: materialy k biografii A. A. Glagolevoy-Arkad'yevoy (1884–1945)* ["The Soviet country should know its scientists": materials for the biography of A. A. Glagoleva-Arkadieva (1884–1945)]. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki* [Questions of the history of natural science and technology]. No. 1. Pp. 136–148. (In Russ.)

12. Valkova, O. A. (2017) *Prepodavaniye ili nauka: nelegkiy vybor doktora i professora A. A. Glagolevoy-Arkad'yevoy (1884–1945)* [Teaching or science: the difficult choice of Doctor and Professor A. A. Glagoleva-Arkadieva (1884–1945)]. *Pedagogika* [Pedagogy]. No. 5. Pp. 100–108. (In Russ.)

13. Arhiv RAN. F. 641. Op. 6. D. 122a.

14. Vavilov, S., Ioffe A. (1947) Prof. A.A. Glagoleva-Arkadieva. Nature. No 159. Pp. 296–297.

15. CGA Moskvy. F. 363. Op. 4. D. 24209.

16. Archive RAN. F. 350. Op. 3. D. 315.

17. Nauchnyj Arhiv Instituta istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova RAN [Scientific Archives of the S. I. Vavilov Institute for the History of Natural Science and Technology of the Russian Academy of Sciences]. F. 8.

18. Starosel'skaya, O. A. (1915) *Kondorse kak sotsiolog* [Condorcet as a sociologist]. Moscow. (In Russ.)

19. Valkova, O. A. (2012) *Professional'naya kar'yera sovetskoy zhenshchiny-uchenoy: na materialakh biografii O. A. Starosel'skoy-Nikitinoy* [The professional career of a soviet woman scientist: based on the materials of the biography of O.A. Staroselskaya-Nikitina]. *Zhenshchiny i muzhchiny v kontekste istoricheskikh peremen* [Women and men in the context of historical change]. Proceedings of the Fifth International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and IEA RAS, October 4–7, 2012, Tver', Moscow. Vol. 2. Pp. 502–505. (In Russ.)

20. Valkova, O. A. (2012) *Stareyshaya sotrudnitsa IIYET: zametki k biografii O.A. Starosel'skoy-Nikitinoy* [The oldest employee of IIET: notes to the biography of O. A. Staroselskaya-Nikitina]. *IIYET RAN Godichnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 80-letiyu IIYET RAN, 2012* [IIET RAS Annual scientific conference dedicated to the 80th anniversary of IIET RAS, 2012]. Moscow. Vol. 1. Pp. 136–139. (In Russ.)

21. Arhiv RAN. F. 425. Op. 2. D. 218.

22. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1946) *Ocherki po istorii nauki i tekhniki perioda frantsuzskoy burzhuaznoy revolyutsii 1789–1794* [Essays on the history of science and technology during the French Bourgeois Revolution 1789–1794]. Moscow; Leningrad. (In Russ.)

23. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1962) *Pol' Lanzheven [1872–1946]* [Pol' Lanzheven [1872–1946]]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

24. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1963) *Istoriya radioaktivnosti i vozniknoveniya yadernoy fiziki* [The history of radioactivity and the emergence of nuclear physics]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

25. Starosel'skaya-Nikitina, O. A. (1967) *Ernest Rezerford. 1871–1937* [Ernest Rezerford. 1871–1937]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 02.10.2024
Одобрена после рецензирования 28.01.2025
Принята к публикации 03.02.2025